

Рис. 3. Знаки на сребрениках (по А. В. Орешникову)

знаки на монетах Святополка и на сребрениках Петра принципиально идентичным, тогда как Н. Д. Мед вслед за А. В. Орешниковым и Б. А. Рыбаковым признавала наличие на этих монетах трех разных знаков, которые, по ее мнению, должны быть приписаны трем разным князьям. Поэтому следует остановиться на вопросе об основных элементах княжеского знака, важных для его атрибуции. Ниже изображены два вида тамг: 1) имеющиеся на монетах с именем Владимира и 2) имеющиеся на монетах с именами Святополка и Петра («Ярослава — I и II типов») (рис. 3).

Обобщая свои наблюдения над знаками монет Владимира, А. В. Орешников писал: «Несмотря на кажущуюся одинаковость всех знаков (этой группы, в действительности их можно разделить на столько вариантов, сколько имеется разновидностей лицевых сторон сребреников... Некоторые отклонения в деталях знаков можно заметить на знаках монет Владимира второго типа классификации И. И. Толстого..., но эти отклонения не изменяют общего характера знака». И далее: «Из этого наблюдения я делаю вывод, что резчики родовых знаков не наблюдали строго за точностью рисунка знака, а варьировали по своему усмотрению в нижней

его части»⁸⁸. Упоминание здесь именно нижней части знака весьма симптоматично, поскольку А. В. Орешников признавал принадлежащими разным князьям знаки, показанные на рис. 3 в третьем ряду таблицы, все сходство между которыми сводится к незначительным различиям не в нижней, а в верхней части знака, вернее — к различиям в дополнительном значке, помещенном между верхними концами зубцов княжеского знака. Следовательно, вопрос сводится к выяснению роли этих дополнительных значков: могут они или не могут выполнять роль того индивидуализирующего признака, который должен лечь в основу атрибуции монет и знаков.

Предположим, что именно они и являются таким признаком, обозначая принадлежность трех типов монет трем различным князьям. Одного из этих князей — Святополка Ярополковича — мы уже знаем. В других Н. Д. Мед предполагала каких-то сыновей Владимира. Почему же в таком случае знаки этих предполагаемых сыновей оказались в ближайшем генетическом родстве со знаками Святополка Окаянного и не похожи на знаки их отца Владимира и брата Ярослава? Если обосновать данное сходство известным фактом усыновления Святополка Владимиром, то вопрос встанет в другую плоскость: так как индивидуализирующими признаками являются дополнительные значки, то основная фигура должна быть унаследованной. Но от кого? Ведь Владимиру Святополковичу принадлежит знак иного рисунка. В схеме А. В. Орешникова близость этих знаков была исчерпывающе объяснена, здесь же она не находит опоры.

С другой стороны, обращение ко всей практике употребления тамги русскими князьями на протяжении X—XIII вв. не обнаруживает случаев, подобных рассматриваемому, когда индивидуализирующая часть знака была бы изолирована от его основной части или когда знак вообще состоял бы из двух не связанных между собой частей. Привлечение всей совокупности русских княжеских знаков показывает также, что эти знаки существовали в двух главных разновидностях — «парадной», орнаментированной, украшенной множеством арабесок, как на древнейших монетах, и «линейной», упрощенной, сохраняющей лишь конструктивные элементы тамги. Знак Владимира, в частности, может быть передан простейшим изображением трезубца, действительно составляющего основу знака при множест-

⁸⁸ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам, стр. 95—96.